

На правах рукописи

Камраков Алексей Андреевич

**Этноконфессиональные меньшинства в политическом процессе
Большого Ближнего Востока: особенности институционального развития и
диаспоральной деятельности**

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени кандидата политических наук

Нижний Новгород - 2009

Работа выполнена на кафедре международных отношений факультета международных отношений Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент

Рыжов Игорь Валерьевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Корнилов Александр Алексеевич

кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Смирнов Алексей Николаевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится «22» октября 2009 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д. 212.166.10 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд.315, факультет международных отношений ГОУ ВПО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корпус 1.

Автореферат разослан «___» _____ 2009.

Учёный секретарь

Диссертационного совета,

доктор исторических наук, профессор

Браницкий А.Г.

Общая характеристика работы

Ближневосточный регион традиционно является объектом исследования для отечественных и зарубежных ученых, обозревателей, политических деятелей и военных аналитиков, изучающих широкий спектр вопросов. Скрупулезному анализу подвергаются тенденции экономического развития стран региона, особенности политических институтов ближневосточных государств, основные направления их внешней политики, специфика социального и культурного развития. При этом необходимо отметить, что из перечня довольно полно изученных проблем регионального развития выпадают проблемы этнополитического характера, которые, по нашему мнению, изучены пока ещё недостаточно, несмотря на их несомненную актуальность. Представленная диссертационная работа является попыткой в какой-то степени восполнить указанный пробел, и посвящена исследованию воздействия этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор на этнополитические процессы в регионе Большого Ближнего Востока и, соответственно, на стабильность политического пространства ближневосточных государств.

Актуальность заявленной темы диссертационного исследования заключается в следующем. Этническое разнообразие населения ближневосточного региона предопределяет высокий уровень воздействия этнического фактора на политические процессы в государствах, расположенных на интересующей нас территории, а также на отношения между региональными центрами силы. Исходя из этого, представляется важным исследовать систему межэтнических коммуникаций в регионе для лучшего понимания механизмов взаимодействия основных участников регионального политического процесса, как на внутригосударственном, так и на международно-политическом уровне.

Исследование сложной этностатусной системы ближневосточного региона, формировавшейся в течение длительного времени, реконструкция механизмов её функционирования, будет способствовать лучшему пониманию проблем межэтнического взаимодействия в других полиэтничных регионах планеты, а также позволит усовершенствовать наши представления о характере взаимодействия доминирующих этнических групп с этническими меньшинствами, этноконфессиями и диаспорами на региональном и государственном уровне.

Анализ основных направлений развития отношений этнических меньшинств, диаспор, этноконфессий и доминирующих этнических общностей позволит сформировать более полное представление о конфликтном потенциале региона и создать условия для формулирования более адекватных прогнозных оценок, касающихся развития политической ситуации, как на уровне отдельных государств ближневосточного региона, так и на уровне Ближнего Востока в целом.

Учитывая тот факт, что многие этнические меньшинства и диаспоры Ближнего Востока генетически связаны с народами, населяющими регионы Большого Кавказа и Центральной Азии, исследование заявленной темы представляется важным с точки зрения понимания этнополитических процессов на постсоветском пространстве, тем более, что целый ряд этнических групп Северного Кавказа (адыгские этносы) всячески демонстрируют свою близость с

соплеменниками, проживающими в Турции и арабских странах. Таким образом, исследование этнополитических процессов на Ближнем Востоке может иметь и практическое значение для оценки угроз стабильности южных регионов Российской Федерации. В условиях, когда Турция стремится стать членом Евросоюза, фактор этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор, проживающих на территории этой страны, может оказать определенное воздействие и на политические процессы в современной Европе, тем более, что страны, входящие в ЕС в качестве одного из основных условий приема Турции в это интеграционное объединение, выдвигают соблюдение турецким руководством прав нетурецкого населения страны как в политической, так и в культурно-языковой сфере.

Объектом данного исследования является специфика развития этнополитических процессов в ближневосточном регионе в условиях этнической пестроты его населения.

Предметом исследования являются механизмы и тенденции развития этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор, существующих на Ближнем Востоке.

Целью представленной диссертационной работы является изучение комплекса институциональных и этнокультурных особенностей функционирования этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор Большого Ближнего Востока, системы их отношений с доминирующими этническими группами, а также специфических возможностей их воздействия на политическую ситуацию как в регионе в целом, так и в отдельных ближневосточных странах.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие **задачи**:

1) провести сравнительное исследование тенденций развития этнических меньшинств и этноконфессий в Иране, Турции, наиболее влиятельных арабских странах и Государстве Израиль, выделив при этом общие и специфические черты, характерные как для положения названных общностей в указанных странах, так и в регионе в целом;

2) проанализировать особенности развития наиболее значительных региональных диаспоральных сообществ, деятельность которых не ограничена границами отдельных государств и оказывает воздействие на состояние политических процессов на всём Ближнем Востоке;

3) реконструировать основные механизмы воздействия этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор (как официальные, так и неофициальные) на политическую ситуацию в регионе;

4) определить, какую роль в жизни ближневосточных этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор играют традиционные социальные институты и традиционная культура и каким образом традиции воздействуют на их положение в региональной системе межэтнических коммуникаций;

5) исследовать этностатусную систему, сложившуюся в отдельных странах интересующего нас региона, определить, каким образом оказывает воздействие на ситуацию в выбранных странах;

б) проанализировать основные направления и механизмы взаимодействия между доминирующими в регионе этническими группами, а также органами государственной власти отдельных стран и общностями, относящимися к категории этнических меньшинств, диаспор и этноконфессий.

Хронологические рамки исследования. В представленной диссертации исследуется период 1923 – 2005 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что именно в это время на Ближнем Востоке коренным образом трансформируется этностатусная система, что явилось результатом распада Османской империи, эволюции внутри- и внешнеполитического курса Ирана, роста национального самосознания меньшинств, проживающих в регионе, активизации еврейской иммиграции в Палестину, а также результатом стремления ведущих стран мира (Великобритании, Франции, СССР и США) к использованию этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор для закрепления своего влияния в этом стратегически важном регионе. Верхняя хронологическая граница обосновывается тем, что в 2005 году были сформированы предпосылки для дальнейшей трансформации этностатусной системы в границах Ближнего Востока в результате того, что в этом году впервые в истории президентом арабской страны (Ирак) стал курд. Такая ситуация может повлечь за собой интенсификацию политической активности региональных этнических меньшинств и диаспор, направленной на увеличение объёма своих прав в политической и культурно-языковой сферах.

Дополнительным фактором, предопределяющим верхнюю хронологическую границу нашего исследования, является то, что в этот период Турция предприняла очередную попытку интегрироваться в рамки Европейского Союза. Этот шаг турецкого руководства также способен активизировать политические усилия соответствующих этнических меньшинств и диаспор и, таким образом, внести свой вклад в эрозию сложившейся на Ближнем Востоке этностатусной системы.

Эмпирическая база исследования состоит из нескольких комплексов материалов.

В первый комплекс входит широкий спектр документов, имеющих отношение к внешнеполитическим ведомствам ведущих стран мира, стремившихся в разное время воздействовать на этнические меньшинства и диаспоры для укрепления своего влияния в стратегически важных пунктах Ближнего Востока. Данный комплекс включает в себя документы планирования, материалы переписки, аналитические разработки и другие документы, позволяющие составить представление об этнополитической ситуации в ближневосточном регионе в рамках интересующего нас периода, о позиции ведущих этнических меньшинств и диаспор в отношении тех или иных изменений в странах региона, о том, какую роль они играли во внутренней и внешней политике региональных и внерегиональных акторов. Кроме того, документы, входящие в этот комплекс, позволяют судить о статусе той или иной этнической группы в региональной системе межэтнических коммуникаций.

Во второй комплекс входят документы международных межправительственных и неправительственных организаций, проводящих, или проводивших в

прошлом свою политику в интересующей нас части земного шара. Значительный интерес представляют документы Лиги Наций, содержание которых позволяет судить о численности тех или иных меньшинств и диаспор в сложный период их развития в 1920-х – 1930-х гг., степени сохранности у них традиционных социальных институтов и традиционной культуры, а также об уровне их интегрированности в ближневосточный социум. Немаловажную роль играют документы других международных организаций, в том числе Евросоюза. Их ценность заключается в том, что они позволяют установить уровень сохранности языка и идентичности интересующих нас общностей, а в сравнении с документами Лиги Наций позволяют определить место ассимиляционных тенденций, как в системе региональных межэтнических коммуникаций, так и в национальной политике отдельных ближневосточных стран.

К третьему комплексу можно отнести документы, имеющие отношение собственно к общинным структурам интересующих нас этнических групп. Они не так многочисленны, как документы, входящие в два предыдущих комплекса, однако несут в себе уникальную информацию об экономических, социокультурных, политических, религиозных, языковых и других проблемах, стоящих перед диаспорами, меньшинствами и этноконфессиями Ближнего Востока, условиях, необходимых для их «национального возрождения», направлениях сотрудничества между различными общинными институтами отдельных меньшинств и диаспор, механизмах защиты их прав на государственном уровне, усилиях по сохранению родного языка и исторической памяти и т.д. Незаменимую помощь этот комплекс материалов может оказать в процессе изучения институциональных особенностей развития этнических меньшинств и диаспоральных сообществ Ближнего Востока, т.к. содержит достаточно много данных о структурах, способных активизировать в том числе и политическое участие представителей той или иной общности в делах того или иного государства.

Четвертый комплекс состоит из разнообразных материалов статистического характера, главная ценность которых заключается в том, что они позволяют проследить динамику численности диаспоральных сообществ, этнических меньшинств и этноконфессий в различных странах Ближнего Востока, определить соотношение удельного веса титульных и нетитульных этнических групп в населении той или иной страны, а также выделить тенденции к культурной и/или языковой ассимиляции той или иной общности независимо от того, является ли эта ассимиляция результатом соответствующей политики правительства, или же следствием так сказать естественной утраты оригинальных этнокультурных характеристик.

В качестве пятого комплекса можно рассматривать достаточно широкий набор мемуаров, написанных дипломатами, учеными, военными, политическими деятелями, путешественниками и разведчиками, связавшими свою жизнь и профессиональную деятельность с интересующим нас регионом. Ценность данного комплекса заключается в том, что он содержит интересные экспертные оценки, позволяющие лучше разобраться в специфических механизмах развития межэтнических контактов на Ближнем Востоке, мотивах, ставших основой для того или иного политического шага, предпринятого руководством отдель-

ных ближневосточных государств в отношении тех или иных этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор. Кроме того, мемуарная литература, несмотря на все ее недостатки, позволяет составить достаточно четкое представление о том, какую роль играл и играет внешний фактор в развитии системы региональных межэтнических коммуникаций.

К шестому комплексу можно отнести материалы, имеющие отношение к политике стран ближневосточного региона в отношении этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор. Такие материалы необходимы для реконструкции этностатусной системы, характерной для отдельных региональных государств, оценки потенциальных возможностей дестабилизации их политического пространства в случае активизации того или иного этнического сообщества, а также для лучшего понимания тенденций развития отношений между доминирующими в той или иной стране этническими группами и этническими меньшинствами. Необходимо также отметить, что данный комплекс материалов позволяет выделить механизм принятия политических решений руководством ближневосточных государств по национальным проблемам и лучше понять конкретные действия правительственных кругов в той или иной ситуации, связанной с осложнением национального вопроса.

Таким образом, эмпирическая база исследования вполне позволяет всесторонне и в соответствии с современными научными требованиями изучить роль этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор в политическом процессе государств Большого Ближнего Востока.

Степень научной разработанности темы. Проблематика, связанная с этнополитическими процессами в регионе Ближнего и Среднего Востока, в принципе, достаточно неплохо исследована, как в отечественной, так и в зарубежной политической науке. Вместе с тем, нельзя не отметить, что этнополитический процесс в регионе практически никогда не рассматривался в целом. В большинстве случаев специалисты исследовали отдельные его аспекты. Так, например, известный российский ученый О.И. Жигалина в своих работах акцентирует внимание на вопросах, преимущественно связанных с этническими меньшинствами, причем, преимущественно в Иране. О. Бадерхан или А. Дятлов уделяют внимание исключительно проблемам диаспор, действующих на Ближнем и Среднем Востоке, отдавая предпочтение арабским странам.

Целый ряд российских специалистов исследуют проблемы этноконфессиональных меньшинств в Египте и Ираке. Однако, в отечественной науке практически нет обобщающих работ, целью которых являлся бы анализ комплексного воздействия этноконфессиональных меньшинств и диаспор, во-первых, на системы межэтнических коммуникаций, а во-вторых, на внешнюю и внутреннюю политику ближневосточных государств. Одной из немногочисленных (по имеющимся у нас данным) работ, до некоторой степени обобщающих результаты отдельных этнополитических исследований по Востоку, является выпущенная в 1999 году работа «Социальный облик Востока» под редакцией Р.Г. Ланда. В специальной главе «Этносоциальная стратификация» говорится о целом комплексе проблем, определяемых взаимодействием широкого спектра этнополитических сил. Однако, этносоциальные и этнополитические

проблемы изложены в этой работе применительно ко всему Востоку, включая бывшие советские республики в Центральной Азии и страны Дальнего Востока, что, по нашему мнению, затрудняет понимание специфических механизмов развития этнополитических процессов именно на Ближнем и Среднем Востоке.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном рассмотрении широкого спектра этнополитических и этнокультурных проблем ближневосточного региона с учетом воздействия на них всех основных этнополитических сил, конкурирующих с доминирующими этносами, а именно - этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор. В отечественной науке, как уже указывалось выше, присутствуют работы, рассматривающие положение указанных сообществ в региональной системе координат отдельно друг от друга, что в значительной степени обедняет представление о сложных и многомерных региональных процессах, в которых принимают участие многочисленные негосударственные акторы, в том числе и перечисленные сообщества.

Новым для отечественной науки является рассмотрение потенциальных возможностей этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор в сфере обращения за поддержкой к международным институтам. При рассмотрении подобных обращений, отечественные специалисты акцентируют внимание главным образом на курдском и армянском опыте апелляции к европейским институтам, направленном на недопущение Турции в ЕС, смягчение позиций ее руководства в отношении курдской проблемы, а также на признание им факта геноцида армян. В данной работе мы затрагиваем малоизученные вопросы, связанные с апелляциями к европейским структурам таких этнических меньшинств, как, например лазы, обладающих серьезным уровне сплоченности и развитым этническим сознанием, способным стимулировать их политическую активность. Новым представляется также рассмотрение механизмов воздействия региональных диаспор на политические процессы на постсоветском пространстве и возможностей их использования внешнеполитическим ведомствами государств Ближнего Востока.

Методологическая основа исследования. В представленной работе применяется комплексный подход к этнополитическому анализу, учитывающий как примордиалистские характеристики интересующих нас общностей, так и роль их элит в формировании этнической или этноконфессиональной солидарности, выделение которой характерно для конструктивизма. Конструктивистский подход представляется продуктивным с точки зрения анализа государственной политики в отношении этнических меньшинств, диаспор и этноконфессий региона, а также при рассмотрении вопросов сохранения и/или эволюции идентичности тех или иных общностей в условиях интенсивных изменений ближневосточного социума под воздействием, в том числе, процессов глобализации. Примордиалистский подход эффективен, как представляется, при исследовании традиционных социальных институтов и отношений, традиционных особенностей поведения, проблем воздействия ценностей на политическое участие ближневосточных этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор. Та-

ким образом, автор допускает синтез нескольких подходов при анализе различных сторон исследуемого предмета.

При исследовании институционального аспекта развития ближневосточных этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор автор применял широкую трактовку термина «институт», в духе неинституционального подхода, который рассматривает их не только в качестве статичных социальных структур, но и в качестве совокупности формальных и неформальных норм, действующих в обществе, что позволяет учитывать всю сложность протекающих процессов, в том числе исторические условия складывания политической культуры в странах Ближнего и Среднего Востока и неформальные факторы, воздействующие на поведение тех или иных неформальных сообществ.

Для достижения основной цели данного исследования и решения промежуточных задач в диссертации были использованы общенаучные методы, а также специальные исторические и политологические методы. Общенаучные методы (анализ, синтез) применялись автором в каждой главе работы. Элементы системного подхода применялись при анализе специфики институционального развития интересующих нас сообществ и при исследовании государственных институтов, регулирующих положение этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор в том или ином государстве исследуемого региона. Сравнительный анализ был применен в главах 1 и 3 при рассмотрении тенденций развития названных общностей в той или иной части региона, а также при изучении подходов к проблеме этнических меньшинств, демонстрируемых ближневосточными государствами. Специальные исторические методы (хронологический, синхронный и диахронный) также применялись практически в каждой главе представленного диссертационного исследования.

При исследовании институциональных особенностей развития перечисленных сообществ, а также при исследовании процесса принятия решений по этнополитическим и этнокультурным вопросам руководством ряда ближневосточных государств автором был использован децизионный метод, распространенный в политологии и позволяющий проанализировать процесс принятия политических решений, а также выделить отдельные звенья этого процесса и определить роль каждого из них. Другим политологическим методом, использованным в работе, является «case-studies», позволяющий делать обобщающие выводы, которые можно распространить на весь регион Ближнего Востока, на основе отдельных примеров.

Практическая значимость работы заключается в том, что его результаты вполне могут быть использованы для дальнейшего изучения этнополитической и этнокультурной ситуации в регионе Ближнего Востока, а также в примыкающих к нему регионах (Большой Кавказ, Центральная Азия). Научные выводы и фактический материал диссертации могут найти применение при написании учебных пособий, а также при разработке и чтении учебных курсов этнологического профиля, таких как «Этнология изучаемого региона», «Этнополитология». Кроме того, выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти РФ, имеющих отношение к обеспечению интересов России в регионе

Ближнего Востока. Представляется также, что материалы диссертационного исследования могут стать основой для прогностических оценок ситуации в южных регионах нашей страны.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании кафедры международных отношений факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Теоретические положения, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, излагались автором на конференциях в Москве, Нижнем Новгороде (2005-2009 гг.) и отражены в шести публикациях общим объёмом 5,5 п.л.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Доказанный автором тезис о том, что в регионе Ближнего и Среднего Востока сложились эффективные механизмы регулирования межэтнических коммуникаций, позволяющие сохранить стабильность ближневосточных обществ в условиях мозаичности этноконфессионального состава населения.

2. Сформулированное автором положение о том, что региональная система межэтнических коммуникаций обладает возможностями саморегулирования, что дает возможность в значительной степени нивелировать воздействие на региональные политические процессы внерегиональных акторов – стран Запада, международных организаций и транснациональных корпораций.

3. Авторское утверждение о позитивном воздействии традиционных социальных институтов и отношений на стабильность межэтнических коммуникаций в регионе.

4. Доказанное автором положение о том, что государства Ближнего и Среднего Востока проводят гибкую политику в отношении этноконфессиональных меньшинств и диаспор, определяемую локальными особенностями той или иной страны, связанными с этноконфессиональным составом населения, долей титульных этносов и меньшинств и т.д. Как правило, эта политика основана на исторических традициях межэтнического взаимодействия, сложившихся, в том числе, в период существования на Ближнем и Среднем Востоке подмандатных территорий и протекторатов, на которых руководство великих держав проводило политику поддержки некоторых меньшинств и диаспоральных сообществ, которые рассматривались в качестве социальной базы их влияния (копты в Египте, марониты в Ливане и т.д.).

Структура работы определяется целью и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, четырех глав, разделённых на тематические параграфы, заключения, примечаний, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяется объект, предмет, цель и основные задачи исследования, описываются методологические принципы и методы исследования, раскрываются хронологические и территориальные рамки, указывается источниковая база, содержатся основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна исследо-

вания, содержатся сведения об апробации результатов, обосновывается научно-практическая значимость исследования.

В первой главе «Этнические меньшинства и этноконфессии в странах Ближнего и Среднего Востока в новейшее время» автор рассматривает тенденции институционального и социокультурного развития наиболее значительных этнических меньшинств и этноконфессий, компактно проживающих в Турции, Исламской Республике Иран, а также в ряде арабских государств, ближневосточного региона. Такой подход позволяет выделить общие закономерности развития данных сообществ, обусловленные историческими традициями и конфессиональной ситуацией, сложившейся в регионе и характеризующейся с одной стороны фактическим господством ислама, а с другой – серьезными противоречиями, существующими в отношениях между приверженцами различных направлений этой религии.

Первый параграф «Этнические меньшинства в Иране и Турции» конструктивно разделён на две независимые части, посвященные соответственно заявленному заглавию этническим меньшинствам в Иране и Турции. В первом разделе, производится анализ, возможностей интеграции многочисленных этнических меньшинств в политическое пространство Ирана. Особое внимание, заслуживающее изучения, уделяется арабскому меньшинству проживающему в юго-западной провинции Хузестан, называвшийся ранее Аль Ахваз. Район занимает важное стратегическое положение, кроме того, Хузестан обладает серьезными нефтяными и газовыми запасами. Таким образом, арабы в современном Иране проживают на одной из самых важных территорий, которая периодически становится ареной этнических конфликтов. Необходимо отметить, что иранские арабы имеют солидный опыт организации сопротивления официальному Тегерану, накопленный еще в период их борьбы с шахским режимом, который, помимо всего прочего, способствовал подъему их национального самосознания. В промышленно развитом Хузестане национальная дискриминация осложнялась и проявлялась более отчетливо, чем где-либо еще в Иране. В отличие от других, преимущественно аграрных районов нацменьшинств, здесь национальный вопрос имел и имеет более разностороннее социально-политическое и экономическое содержание.

В данной части прослеживается динамика качественного изменения взаимоотношений представителей арабского меньшинства и официального Тегерана, в частности было признано, что волнения арабов вызваны не только подстрекательством извне, но и социально-экономическим неравенством этносов, проживающих на иранской территории. Арабам удалось добиться определенной легализации своей национально-культурной жизни на территории компактного проживания. Многое, исключая статус автономии, им обещано в ближайшем будущем. Арабский язык узаконен не только в Хузестане, но и на всей территории страны, где он преподается как язык государственной религии. Другим этническим меньшинством, движение которого оказывает значительное воздействие на политический климат в ИРИ, являются белуджи. Их национальное движение развивается под сильным влиянием из-за рубежа, в частности из Пакистана, руководство которого поощряет их автономистские настроения,

подрывающие позиции Ирана в качестве регионального лидера. Разногласия с исламским правительством, было стимулировано тем, что шиитский ислам был провозглашен государственной религией, что неприемлемо для суннитов, к которым относятся и белуджи. Ещё одним значительным меньшинством выступают иранские туркмены, их национальное движение тесно связано с обострением аграрного вопроса после падения шахского режима. Аграрный вопрос на территории компактного проживания туркмен не решен до сих пор, причем главными являются противоречия между туркменами и пришлыми мелкими собственниками. Несмотря на то, что в последнее время ситуация в Туркмении, Белуджистане и отчасти в Хузестане стабилизировалась, основное требование этнических элит Ирана – предоставление автономных прав остается неудовлетворенным, что создает ситуацию, чреватую актуализацией существующих межэтнических противоречий. Кроме того, потенциально осложняет ситуацию вопрос об официальном признании суннизма и исламских сект, распространенных в среде этнических меньшинств. Меньшинства обладают солидным мобилизационным потенциалом, который представляет угрозу для официального Тегерана и может быть использован для дестабилизации существующего в этой стране режима, в том числе его зарубежными противниками.

Вторая часть параграфа, как мы уже отметили выше, посвящена характеристике положения меньшинств Турции, приведены факторы, обусловившие сложность и противоречивость этнополитических процессов. Основным конфликтным фактором в рассматриваемой стране является фактор курдский, но в силу излишней популяризованности, нам представляется возможным его опущение, и более детальное рассмотрение не менее важной, проблеме лазов – этнического меньшинства, которое пока еще недостаточно исследовано, как в отечественной, так и в зарубежной науке. В Турции лазы были вынуждены принять ислам, однако, несмотря на насильственное отуречивание, они сохранили свой язык и культуру. Численность лазов относительно невелика, но представители этого этноса присутствуют в турецкой элите, в том числе интеллектуальной, наиболее четко видятся угрозы языковой ассимиляции и именно этот социальный слой говорит о том, что для сохранения своей культурной самобытности лазам необходимо изучать литературный грузинский язык как единственный из картвельских языков, имеющий статус литературного. Это стало одним из оснований для международно-политической активности лазов, связанной, в том числе, с укреплением их контактов с Грузией. Таким образом этнические меньшинства, с одной стороны, являются ресурсом для развития Турции и могут быть одним из инструментов внешней политики этого государства, с другой стороны, этнические меньшинства, сохраняющие свою культурную самобытность и этническую идентичность за счет сохранения языковых особенностей и традиционных социальных институтов представляют собой угрозу стабильности турецкого государства, элита которого, как известно, отрицает полиэтничность своего населения и декларирует, во-первых, этническую гомогенность страны, а, во-вторых, несомненный приоритет турецкого этнического элемента. В этих условиях практически неизбежно формируются предпосылки для атмосферы этнической напряженности. латентных и актуализированных

этнических конфликтов, окончательное урегулирование которых представляется пока что мало вероятным.

Второй параграф «Основные тенденции развития этнических меньшинств и этноконфессий в арабских странах» раскрывает понятие этноконфессия, оказывающее значительное влияние на ситуацию в арабских странах, отличающихся обилием таких специфических человеческих общностей, т.е. общностей, представители которых исповедуют оригинальную, неповторимую и эндемичную религию, на основании чего считают себя носителями специфической этнической идентичности, несмотря на то, что целый ряд признаков роднит их с доминирующим населением. Одной из таких этноконфессий являются алавиты компактно проживающие в Сирии. Прослеживается история проживания алавитов на территории современной Сирии, раскрываются предпосылки возвышения алавитов, занимающих ключевые посты в армии, государственных и партийных ведомствах. Описываются события межвоенной и послевоенной истории, позволившей выйти на политическую арену наиболее сплоченным и динамичным силам сирийского общества, которые оказались способны, несмотря на принадлежность меньшинствам, генерировать политические идеи и лозунги общегосударственного масштаба.

Другой этноконфессией, оказывающей существенное воздействие на политический климат в регионе Ближнего и Среднего Востока, являются друзы, исповедующие оригинальную монотеистическую религию, отделившуюся когда-то от исмаилизма и претерпевшую коренную трансформацию. Приводится перечень мест компактного проживания представителей общины, подчёркивается, что в настоящее время данная этноконфессия сумела приспособиться к динамично меняющимся политическим и экономическим условиям, сохранив при этом основные специфические характеристики, являющиеся основой идентичности ее представителей, немаловажным в этом контексте, является тот факт, что друзы принимают доктрину такийя. В целом можно отметить, что этноконфессия друзов имеет серьезный потенциал для развития в силу сочетания адаптивности и стремления сохранить традиционные институты, сплачивающие общину, в любых политических условиях. Все это делает друзскую общину серьезным игроком на региональной арене и, возможно, объектом пристального внимания со стороны внерегиональных акторов, заинтересованных в установлении и укреплении своего влияния в стратегически важном регионе Ближнего и Среднего Востока.

Вторая глава «Диаспоры ближневосточного региона: структура, основные направления развития, место в системе межэтнических коммуникаций» посвящена исследованию наиболее заметных диаспоральных сообществ, оказывающих значительное влияние на систему межэтнических коммуникаций в регионе и на стабильность некоторых ближневосточных государств. Рассмотрение ближневосточных диаспор как таковых, а не как части этнополитического ландшафта отдельных стран региона представляется оправданным в силу того, что их отдельные общины активно развивают трансграничное сотрудничество в экономической, культурной, а иногда и в политической сферах, до некоторой степени определяя направления развития этнополитических про-

цессов сразу в нескольких региональных государствах и обладают потенциальными возможностями в сфере воздействия на внешнюю политику.

Первый параграф «Особенности развития черкесской диаспоры» прослеживает историю выходцев с Северного Кавказа, хотя сама черкесская община на Ближнем Востоке ко времени мухаджирства уже имела без малого тысячелетнюю историю, что не могло не способствовать эффективной культурной и политической адаптации волны переселенцев. Подчеркивается, что решающую роль в переселении горцев в Османскую империю сыграло российское правительство, проводившее политику военной колонизации земель, в то же самое время османское правительство охотно принимало черкесов, необходимых для реализации ряда военно-политических планов. В Сирии черкесы стали служить в армии и даже принимали участие в арабо-израильских войнах. В Иордании черкесская гвардия всегда была верной опорой королевской власти. Лояльность черкесов Хашимитам практически не подвергалась эрозии, даже вследствие многочисленных «политических бурь». Высокий статус диаспоры в органах государственной власти Иордании был поколеблен только в 1980-е гг. Необходимо понимать, что располагающая значительным институциональным потенциалом черкесская диаспора может эффективно поддерживать специфическую этническую идентичность своих членов в условиях иноэтничного окружения благодаря широкому спектру общинных институтов, функционирующих как в сфере культуры, так и в сфере экономики и внешних связей. Сказанное выше предопределяет высокий статус черкесов в системе межэтнических коммуникаций региона и устойчивость их общин, испытывающих, тем не менее, серьезное давление со стороны доминирующего арабского населения.

Второй параграф «Специфика функционирования общинных институтов армянской диаспоры в странах региона (Сирия, Ливан)» анализирует исторический опыт армянской диаспоры на Ближнем Востоке, уделяя особое внимание опыту сосуществования армян с арабами-мусульманами в Сирии и Ливане. Первые общинные институты армянской диаспоры, как свидетельствуют источники, появились на территориях компактного проживания арабов еще в период средневековья, где они, относительно успешно, сосуществовали как с арабами-христианами, так и с мусульманами, занимая внушительную экономическую нишу. Пережив исключительно сложный период Первой мировой войны, отмеченный жестким противостоянием в ближневосточном регионе, армяне достаточно быстро восстановили свои позиции в экономике региона, более того, практически монополизировали отдельные ее отрасли. В середине второй половине XX века армяне стали активно проникать в крупный бизнес стран региона. Решая проблему повышения своего социально-экономического статуса, армяне стремились обезопасить и укрепить диаспору, а также утвердиться в общественно-политической структуре того или иного государства. Вообще для армян характерен высокий уровень корпоративной солидарности и внутриобщинного взаимодействия как способа сохранения национальной идентичности. Здесь невозможно также переоценить роль церкви, которая помимо своих обычных функций, была в глазах переживших национальную катастрофу людей, главной хранительницей национальных устоев и ценностей. Добросо-

седские отношения армян, как с арабским населением, так и с представителями различных других этнических групп способствуют тому, что в настоящее время армянская община в арабских государствах Ближнего Востока достаточно многочисленна, особенно в Ливане и Сирии. В то же самое время, форму межэтнического взаимодействия, оптимальную для армян Ливана, можно расценивать как сегрегацию, т.е. как стремление к осторожному взаимодействию с другими этноконфессиональными группами и развитию, независимому от соседей. Представляется, что не в последнюю очередь такая ситуация вызвана тем, что мультикультурная среда Ближнего Востока, в рамках которой традиционно существуют представители различных этнических групп и конфессий, препятствует ассимиляции, запуская механизмы самосохранения этноса в иноэтническом окружении, тем более, что большая часть этого окружения исповедует религию, которая с одной стороны позиционирует себя как «исключительная» и наиболее совершенная, а с другой – провозглашает свое лояльное отношение к приверженцам другим религиям, хотя и регулирует отношения с ними, в том числе и с помощью некоторых налогов, которыми не облагаются мусульмане. Таким образом, с одной стороны, исламское окружение воспринимается как потенциальная угроза конфессиональной и культурной самобытности армян, что способствует их сплочению, а с другой – это окружение практически не противодействует развитию общинных институтов диаспоры и воспроизводству ее культуры.

Третья глава «Основные направления политики в отношении этнических меньшинств и диаспор: опыт Ирана и Турции» посвящена исследованию различных подходов, демонстрируемых властными структурами Турции и Ирана в отношении этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор в условиях активного вмешательства в дела региона внерегиональных акторов и потенциальных возможностей апелляции последних к международным институтам в случае нарушения их прав.

Первый параграф «Механизмы регулирования проблем этнических меньшинств и диаспор в Иране» раскрывает процесс разработки и внедрения технологий регулирования межэтнических отношений в Иране в 20 – начале 21 вв., который прошёл в своем развитии несколько этапов. Первый этап охватывает временной отрезок с начала 1920-х по начало 1930-х гг. На этом этапе модернизационные мероприятия, принявшие системный характер, наталкивались на целый ряд трудностей, связанных, не в последнюю очередь, с противодействием традиционной элиты неперсидских народов, стремившейся к сохранению своей фактической автономии. Военные экспедиции в мятежные провинции приносили лишь кратковременный успех. Другим способом ослабления партикуляризма меньшинств стали контрибуции и принудительная ликвидация налоговых недоимок, сокращавших материальную базу власти традиционных элит и формировавших условия для их большей зависимости от центра. Ещё одной мерой, призванной урегулировать претензии этнических меньшинств на независимое существование, на этом этапе стала конфискация земельных владений ханов. Таким образом, к началу 1930-х гг. племенные структуры, в Иране были

серьезно ослаблены под воздействием целенаправленной политики государства. Результатом мер, стало формирование двух, казалось бы, разнонаправленных тенденций развития этнополитической сферы Ирана – формирование так называемой идеологии «местного национализма» с одной стороны и создание идеологии паниранизма с другой. Следующий этап развития иранской этнополитической системы (1940-е – 1950-е гг.) поставил под сомнение достижения предыдущего периода и привёл к усилению консолидации меньшинств именно на основе этнической идентичности, которая выступала в качестве механизма сохранения целостности той или иной группы. Вместе с тем, в стране продолжалась пропаганда иранского государственного национализма, сопровождающаяся закреплением языковой дискриминации меньшинств. Двойственное отношение иранского руководства к этническим меньшинствам, сочетающее в себе смягчение ассимиляторской политики и стремление не допустить консолидации меньшинств на основе общих статусных интересов может быть охарактеризована как адекватная реакция на усиление этнического самосознания меньшинств при активном вмешательстве в этнополитические процессы вне региональных акторов. На наш взгляд, можно констатировать, что к концу 1950-х гг. иранским руководством был найден оптимальный баланс между давлением на этнические меньшинства и предоставлением им определенных послаблений в этнокультурной сфере. В период 1960-х – 1970-х гг., развитие иранской этнополитической системы, при сохранении ее основных структурных элементов продолжилось, шахское правительство развернуло кампанию реформ в социально-экономической и социально-культурной сферах, известную как «белая революция». К концу 1970-х гг. в Иране благодаря шахской политике сложилась достаточно парадоксальная ситуация. Либерализованная этнополитическая система страны создала условия для формирования в среде этнических меньшинств политических движений, выросших на почве «местного национализма». Мероприятия по гомогенизации иранского социума, оказались, таким образом, неэффективными, более того, привели к обратному результату – внутриэтнической консолидации меньшинств, которая хотя и работала на благо модернизации Ирана, создавала серьезную угрозу правящему режиму. Этнополитическая же система современного Ирана, сложившаяся после исламской революции, состоит, на наш взгляд, из трех основных элементов: 1) урегулирования межэтнических отношений на основе норм ислама; 2) игнорирования этнокультурных отличий народов, населяющих страну, под воздействие которой тормозилась консолидация “иранского суперэтноса” на основе шиизма; 3) отрицания практически любого позитивного опыта, накопленного странами Запада в сфере гармонизации межэтнических отношений. Эта трехчленная этнополитическая система проявилась в полном отрицании легитимности автономистских политических партий и движений, ставящих своей целью ослабление контроля Тегерана за развитием традиционных культур на территориях, заселенных неперсидским населением, в отрицании, позволившем лидерам ИРИ применять силовые способы для противодействия им. Таким образом, иранский опыт развития конфликтов на этнической почве демонстрирует ограниченность возможностей государства в области определения направления развития отношений

между отдельными этносами, а также серьезный деструктивный потенциал государственных институтов, способный дестабилизировать отношения доминирующей этнической группы и национальных меньшинств.

Второй параграф «Основные этапы развития этнополитической системы и национальной политики Турции» начинается с краткого экскурса в историю Османской империи начала прошлого столетия, который был предпринят для того, чтобы показать фактическую неизбежность быстрой разработки национальной политики Турецкой Республики и ее замкнутости на турецкий национализм и нивелирование (по крайней мере, на уровне официальной пропаганды) различий между турками и нетурецкими меньшинствами и диаспорами для предотвращения раскола общества и сохранения единства политического пространства турецкого государства. Ведь с начала XX столетия этнический фактор неоднократно становился инструментом воздействия на руководство сначала Османской империи, а потом Турецкой Республики, ограничивающим свободу политического маневрирования турецких лидеров и ставящим под угрозу территориальную целостность государства и стабильность его политического пространства. На примере черкесов, лазов и курдов прослеживается эволюция этнополитической системы Турецкой Республики. Этнополитическая система Турции эволюционировала в сторону своего ужесточения и дальнейшего повышения в ее рамках роли органов государственной власти, в частности репрессивного и пропагандистского аппаратов. В период 1930-х – 1970-х гг. появилась и проработанная национальная политика, включающая в себя целенаправленную систему мер, призванную обосновать принципиальное отрицание полиэтничности страны. Существующие государственные институты, несмотря на все заверения лидеров этой страны, стремящейся в Евросоюз, не склонны к формированию атмосферы межэтнической кооперации между турецким населением страны и нетюркоязычными этносами. Гипертрофированная роль государства на Востоке, сформировавшаяся в условиях масштабной этнической пестроты, предопределяет негативное отношение государственных элит практически к любым попыткам отдельных этнических групп повысить свой статус в сложившейся этносоциальной стратификации, что неизбежно влечет за собой негативную ответную реакцию, чреватую этническим конфликтом.

В четвертой главе «Политика государств Арабского Востока и Государства Израиль в отношении этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор» рассматриваются этностатусные системы арабских стран и Государства Израиль, а также механизмы их формирования под воздействием, как национальной политики государств, так и исторических традиций межэтнического взаимодействия. Кроме того, в данной главе определяются границы влияния государственных институтов стран Ближнего Востока на социально-политическую активность этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор, функционирующих на их территориях.

Первый параграф «Политика в отношении этнических меньшинств, этноконфессий и диаспор: опыт арабских стран» анализирует и обобщает опыт этнополитических систем и образцов национальной политики, арабских

стран, существенно отличающихся либеральностью по крайней мере, по сравнению с иранским и турецким аналогами. Руководство арабских стран признает за этническими меньшинствами, этноконфессиями и диаспорами право на развитие своей специфической культуры и традиционных социальных институтов, минимизировав свое вмешательство в дела этнических и конфессиональных сообществ. Приводится анализ факторов способствовавших данному положению дел, основной из которых сводится к крайней этноконфессиональной пестроте арабской части региона Ближнего и Среднего Востока, сложившуюся исторически и выражающуюся, в частности, в обилии общностей, исповедующих оригинальную эндемичную религию и считающих себя на этом основании отдельной этнической группой, несмотря на то, что многие признаки роднят их с доминирующим арабским населением. Тот факт, что упомянутые общности существуют на одной территории на протяжении многих столетий также способствует конструктивному сотрудничеству между ними и основной частью населения, т.к., образно говоря, в течение этого длительного периода сама история выработала механизмы их взаимодействия. В качестве примера детально разбирается ситуация в Арабской Республике Египет, в которой проживает коптское этническое меньшинство, отличающееся от доминирующего арабского населения как по языку, так и по религии. Но не смотря на значительные успехи, латентная конфликтная ситуация все же существует и связана она, прежде всего, с тем, что египетское правительство не желает до конца признавать равенство христиан и мусульман. И даже в Конституции Египта и некоторых законах этой страны присутствуют положения, частично оправдывающие на законодательном уровне дискриминацию коптов. Однако, между коптами и арабами неизменно существовал конструктивный диалог, до сих пор служащий залогом стабильного развития Египта в перспективе, несмотря на то, что с одной стороны, коптская община имеет широкий спектр возможностей для своего культурного развития, обладая достаточно разветвленной сетью соответствующих учреждений, но, с другой стороны, остается определенной дискриминация в политической сфере, которая пронизана мусульманскими стереотипами, отвергающими идею подчинения мусульман кафирам. Основное противоречие состоит в том, что в египетском обществе ислам ограничивает то, что разрешено светскими законами, тем самым, создавая ситуацию двойственности, чреватую политической неустойчивостью и развитием противоречий на этноконфессиональной почве.

Другим показательным примером может служить отношение к этническим меньшинствам, этноконфессиям и диаспорам в Сирии и Ливане. Крупнейшей диаспорой в этих странах является диаспора армянская, оптимально интегрированная в принимающее общество этих стран и сохраняющая при этом свою оригинальную культуру и этническую идентичность.

Второй параграф «Политика израильского руководства в отношении этнических меньшинств и диаспор» раскрывает проблему взаимоотношений еврейских граждан и представителей национальных меньшинств, прежде всего арабов, являющуюся одной из самых злободневных проблем Государства Израиль в настоящее время. Отмечается уникальность конституционной

системы Израиля, которая характеризуется отсутствием единой писаной конституции в качестве основного закона государства, который, в том числе, регулировал бы отношения государства и национальных меньшинств. Рассматриваются основные проблемы, с которыми постоянно сталкиваются арабы в Израиле. Одна из главных – это жилищная проблема, поскольку правительство отказывается в достаточном объеме финансировать инфраструктуру существующих арабских населенных пунктов или строить новые, безработица, проблема получения образования и многие другие. Анализируются законодательная база вопросов получения гражданства. Фактически в Израиле права граждан неодинаковы для различных категорий населения, соответственно, констатируется существующая, в стране система гражданства различных типов. Основной ареной политического самовыражения арабов, являются местные органы власти – сельские и городские советы, в то время как центральные государственные институты и влиятельные общественные организации находятся под контролем евреев. Руководство страны на протяжении долгого времени осуществляло несбалансированный подход к национальным меньшинствам, а основной целью этого являлся раскол демографически растущей арабской общины. Так, например друзы или бедуины, в этническом плане являющиеся арабами, квалифицировались официальными ведомствами Израиля самостоятельными национальностями. Напряженность во взаимоотношениях между двумя основными этническими группами Израиля иногда способствует резкому осложнению внутривнутриполитической ситуации в стране. В целом, политика израильского руководства в отношении нееврейского населения страны подчинена решению двух основных стратегических задач. Во-первых, сохранение доминирующего положения еврейской общины и еврейского характера израильской государственности, во-вторых – сглаживание негативных последствий фактического социально-правового неравенства граждан по национально-религиозному признаку. Так, нееврейским общинам обеспечиваются широкие возможности самостоятельного культурного развития и внутреннего самоуправления. Некоторой части арабов, проживающих в Израиле, со стороны государства предоставляются определенные привилегии. К такой категории можно причислить друзов, черкесов, населяющих современный Израиль, они всегда играли достаточно значимую роль и Израиль поддерживает их стремление сохранить свою культуру, они же в свою очередь, не смотря на дискриминацию на бытовом уровне, достаточно мирно уживаются как с евреями, так и с арабами, и в целом весьма лояльно относятся к верховной власти. Достаточно существенной является русская община, элементы дискриминации прослеживаются, в основном, лишь на бытовом уровне, а сами граждане не испытывают каких-либо притеснений со стороны государства. В целом же, у израильского правительства имеется ряд весьма перспективных возможностей, для кардинального улучшения ситуации, однако здесь необходимо провести отчетливую границу между жестким противостоянием антигосударственной деятельности исламских и иных радикальных организаций и обеспечением равных прав и возможностей для тех

граждан – представителей национальных меньшинств, которые лояльны по отношению к Израилю.

Заключение содержит основные выводы проведенного исследования. Спектр этнополитических сил, действующих на региональной арене Ближнего и Среднего Востока, исключительно широк и способен оказывать серьезное воздействие как на международно-политический климат в регионе, так и на стабильность политического пространства отдельных государств, расположенных на его территории.

Мозаичность этноконфессионального состава населения ближневосточных государств предопределила многие тенденции их развития, значительная часть которых сохранилась до сих пор, пережив крушение Османской империи, исламскую революцию в Иране и целый ряд других социально-политических катаклизмов. Обилие этнических меньшинств, диаспор, этноконфессий, разделенных этносов и субэтнических образований, а также весьма слабая консолидированность доминирующих этнических групп привели к тому, что ближневосточный социальный организм выработал целый ряд специфических защитных механизмов, позволяющих в условиях поликультурности избегать масштабных конфликтов, способных привести к «войне всех против всех» и поставить под угрозу сам факт существования ближневосточных государств. Эти механизмы, являющиеся, судя по всему, одной из уникальных характеристик ближневосточного социума, или, если угодно, ближневосточной цивилизации, стабилизируют общество и создают условия для минимизации возможностей перехода существующих противоречий и латентных этноконфессиональных конфликтов в актуализированную форму.

Одним из таких механизмов является стабильная этностатусная система, складывавшаяся в течение нескольких столетий и предусматривающая наличие у каждой этнической и конфессиональной группы собственной функциональной ниши в обществе, во многом предопределяющей род деятельности ее представителей, уровень их материального достатка, социальный статус, определяемый присутствием в престижных сферах занятости, представительством в органах власти и т.д. С одной стороны, такое положение вещей затрудняет, казалось бы, социальную мобильность, однако, с другой – стабилизирует положение этнической общности, гарантирует, скажем так, минимум условий, необходимых для сохранения и воспроизводства этнической культуры и идентичности. Стабилизирующий момент, судя по всему, заключается в том, что занимая в обществе стабильную нишу, на которую, как правило, никто не покушается, этническая группа не ощущает угрозы своему существованию, что уменьшает количество предпосылок для возникновения ситуации этнической напряженности. Отметим также, что так или иначе, занимаемая этносом ниша не является абсолютной, непреодолимой преградой на пути человека к карьерному росту и материальному благополучию, тем более, что любая этническая группа стратифицирована и ее представители занимают, как правило, несколько ниш, в том числе престижных. Примером, подтверждающим справедливость данного тезиса, могут служить копты, являющиеся этническим меньшинством в Египте и

занимающие при этом передовые позиции, как в целом ряде отраслей экономики страны, так и в политической сфере.

Таким образом, форма межэтнических коммуникаций в отношениях между этническими меньшинствами, диаспорами, этноконфессиями и доминирующими этническими общностями в странах Ближнего и Среднего Востока может быть охарактеризована как сегрегация, связанная с проводимой участниками этнополитического процесса осторожной политики отдельного развития, которая на государственном (национальном) уровне переходит в симбиозную интеграцию, в рамках которой и речи нет о равноправии, но существует определенная взаимозависимость, минимизирующая возможность открытых и широкомасштабных конфликтов.

Необходимо также отметить, что такая система межэтнических коммуникаций обладает возможностями саморегулирования, что достигается, с нашей точки зрения, за счет ее относительной простоты – выход того или иного этноса за рамки своей функциональной ниши и повышение его статуса вызывают бурную ответную реакцию со стороны других участников этнополитического процесса, направленную на подавление активности «возмутителей спокойствия» и восстановление баланса сил в этнополитической сфере. Такое развитие событий помогает, помимо всего прочего, в значительной степени нивелировать воздействие на региональные политические процессы внерегиональных акторов – стран Запада, международных организаций и транснациональных корпораций, стремящихся укрепить свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке посредством поддержки каких-либо низкостатусных этнических групп, становящихся социальной опорой проникновения их влияния в регион и получающих взамен возможность повышения тем или иным путем своего статуса в этносоциальной стратификации, примером чего опять-таки могут читаться копты.

Другим механизмом сохранения этнополитической стабильности государств Ближнего и Среднего Востока являются традиционные социальные институты и отношения, культивируемые недоминирующими этносами и призванные обеспечивать их культурную самобытность. Этот механизм важен, как минимум, по четырем причинам.

Во-первых, наличие традиционных институтов, основанных на клановой и/или локальной идентичности, позволяет обеспечивать нормальное функционирование режима этнической сегрегации, в силу того, что традиционная элита, являющаяся по сути своей «негибкой», не стремящейся к нововведениям, способна в случае необходимости успешно противостоять ассимиляторским устремлениям того или иного государства, что достигается подчас за счет прямого отказа от выполнения тех или иных предписаний центра.

Во-вторых, успешное функционирование традиционных институтов способствует стабилизации функциональных ниш недоминирующих этносов, т.к. традиционные структуры консервативны и способствуют, как кажется, воспроизводству профессиональных навыков представителей тех или иных этносов, а также формированию этнической элиты черпающей ресурсы из той или иной сферы деятельности.

В-третьих, традиционные социальные институты и отношения обеспечивают условия для функционирования специфических защитных механизмов культуры этноса, способствующих преодолению самых разных угроз идентичности его представителей и самому его существованию в качестве самостоятельного социального организма.

В-четвертых, факт наличия у нетитульных (недоминирующих) этносов системы традиционных социальных институтов предопределяет невозможность их долговременной консолидации в противостоянии с центром, т.к. укрепление традиционных институтов приводит к возрастанию амбиций традиционных лидеров и усилению противоречий между ними, выгодных центральной власти.

В качестве третьего механизма выступают, как представляется, исламские религиозные нормы, в рамках которых разработан (по крайней мере, в элементарных формах) алгоритм взаимодействия меньшинств и доминирующего населения. Указанный алгоритм предусматривает наличие в мусульманском обществе нескольких статусных групп, выделяемых по конфессиональному признаку и обладающих определенным набором прав, объем которых меньше, чем у доминирующих этноконфессиональных групп, однако не настолько, чтобы стимулировать ситуацию межэтнической напряженности и актуализацию латентных этнических конфликтов. Данный алгоритм является очень важным, в силу того, что во многих случаях этнические меньшинства и диаспоры исповедуют религию, отличную от доминирующих этнических групп. В качестве одной из статусных групп можно выделить так называемых «зимми» («покровительствуемые») – иноконфессиональные монотеистические группы, жившие под властью исламского государства (халифата) и обладавшие достаточно большим объемом прав.

Четвертым стабилизирующим механизмом является гибкая политика руководства отдельных стран, определяемая локальными особенностями той или иной страны, связанными с этноконфессиональным составом населения, долей титульных этносов и меньшинств и т.д. Как правило, эта политика основана на исторических традициях межэтнического взаимодействия, сложившихся, в том числе, в период существования на Ближнем и Среднем Востоке подмандатных территорий и протекторатов, на которых руководство великих держав проводило политику поддержки некоторых меньшинств и диаспоральных сообществ, которые рассматривались в качестве социальной базы их влияния (копты в Египте, марониты в Ливане и т.д.).

Перечисленные механизмы, создающие фундамент этнополитических систем стран Ближнего и Среднего Востока, придают региональным этнополитическим процессам специфический колорит, который воспринимается значительной частью ученых, аналитиков и обозревателей как показатель стагнации ближневосточного социума, отсутствия в его недрах какого-либо развития. Отчасти это действительно так, постольку, поскольку полиэтничность региона диктует необходимость создания сложных механизмов поддержания этнополитической стабильности, громоздких систем сдерживания амбиций отдельных этнических меньшинств и диаспоральных сообществ. Эти системы сдержек, легитимность которых освящена традицией, являются негибкими по своей сути, а

внесение в них каких-либо корректив, с одной стороны болезненно воспринимается участниками региональных этнополитических процессов, а с другой – может серьезно дестабилизировать межэтнические коммуникации, алгоритм которых формировался в течение многих лет и доказал свою способность стабилизировать отношения между доминирующими этническими группами, этническими меньшинствами и диаспорами. Таким образом, мы рискуем предположить, что этническая пестрота Ближнего и Среднего Востока является одной из основ той самой «традиционности», которая является одной из ключевых характеристик региона и под которой понимается в основном «неспособность» региональных политических процессов развиваться по западному образцу, а также неспособность ближневосточного социума к созданию институтов гражданского общества.

В период XX – начала XXI веков система межэтнических коммуникаций в регионе Ближнего и Среднего Востока подверглась мощному воздействию со стороны стран Запада, а также со стороны амбициозных лидеров региональных государств, претерпев определенную эволюцию, но сохранив, тем не менее, свои основные характеристики. Вместе с тем, представляется, что запас прочности региональной этнополитической системы подходит к концу, тем более, что воздействие на нее со стороны всех заинтересованных участников международных отношений стало беспрецедентно интенсивным, что обеспечивается, во многом, за счет усилий единственной сверхдержавы, а также за счет интернационализации развивающихся в регионе конфликтных ситуаций, обеспечиваемой международными организациями. Так, например, исключительно большой резонанс в настоящее время приобрела курдская проблема, являющаяся «головной болью» Ирана, Ирака, Сирии и Турции. Более того, после свержения режима С. Хусейна достаточно реальной стала перспектива создания курдского государственного (квазигосударственного) образования, включающего в себя, по крайней мере, часть территорий этнического Курдистана. Актуализировалась проблема лавов, апеллирующих к Евросоюзу и способных серьезно повлиять на позицию данного интеграционного объединения в отношении Турции. Вновь под воздействием американо-иранских противоречий реанимировалась проблема разделенных азербайджанцев. Список примеров можно продолжить.

Такая ситуация вызывает серьезные опасения, связанные с тем, что эрозия региональной этнополитической системы приведет к неконтролируемому развитию межэтнических противоречий, которые, в свою очередь, изменят расстановку сил на Ближнем и Среднем Востоке и еще больше дестабилизируют и без того непростую и конфликтную ситуацию в этом стратегически важном регионе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

*Статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ:*

1. Камраков, А.А. Этнические меньшинства в этнополитических процессах в Иране: история и современность / А.А. Камраков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Международные отношения. Политология. Регионоведение. Выпуск 2 (5). - Н.Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2006 – 0,3 п.л.

Монография

2. Камраков, А.А. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделённых народов в политических процессах государств Ближнего и Среднего Востока / Ю.А. Балашов, А.А. Камраков, И.В. Рыжов. – Н. Новгород – Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. – 10 п.л. (авт. вклад 4 п.л.).

Статьи

3. Камраков, А.А. Специфика развития этноконфессий в странах Ближнего Востока: на примере израильских друзов / А.А. Камраков // Нижегородский журнал международных исследований. - Н.Новгород: ННГУ, 2006 (осень 2006). – 0,2 п.л.

4. Камраков, А.А. Основные тенденции развития этнических меньшинств и этноконфессий на примере арабских стран / А.А. Камраков // Нижегородский журнал международных исследований. - Н.Новгород: ННГУ, 2007 (весна-лето 2007). – 0,3 п.л.

5. Камраков, А.А. Этнополитическая система в Турции: основные этапы эволюции / А.А. Камраков, И.В. Рыжов // Актуальные проблемы изучения современной Турции. Материалы международной научной конференции. – Н.Новгород: ИСИ ННГУ, 2007. – 0,6 п.л. (авт. вклад 0,4 п.л.).

6. Камраков, А.А. Особенности развития черкесской диаспоры на Ближнем Востоке / А.А. Камраков // Современные проблемы и перспективы исламоведения, востоковедения и тюркологии. Материалы Второй Всероссийской молодёжной научно-практической конференции/Под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. - Н.Новгород: ИД «Медина», 2009. – 0,3 п.л.

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Подписано в печать . Формат 69x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л.1,5.
Заказ № . Тираж 100.

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603600, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37
Лицензия ПД № 18 - 0099 от 14.05.01